

**ПУШКИНСКОЕ СЛОВО
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И В. В. НАБОКОВА
КАК СПОСОБ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕРОЯ**

Е. А. Федорова¹

¹ Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
150003, Россия, Ярославль, ул. Советская, 14/2
Поступила в редакцию 29.06.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-4

В романах Ф. М. Достоевского обращение к пушкинскому тексту предлагается как способ характеристики героев. Пушкин для писателя является этическим и эстетическим образом, авторский голос соединяется с голосом лирического героя Пушкина. В некоторых случаях пушкинское слово включено в религиозный дискурс (притча о блудном сыне). Интерпретация пушкинского текста героями Достоевского становится способом их самопрезентации и саморазоблачения. Так, Мечтатель («Белые ночи»), обращаясь к текстам Пушкина, подчеркивает свои ценностные приоритеты. Аглая, по-своему интерпретируя балладу о «рыцаре бедном», трансформирует религиозный дискурс в эстетический и бытовой. Петербургский текст Пушкина, знаком которого становится мокрый снег, характеризует пространство, в котором формируются несущие в себе противоречия Германн («Пиковая дама») и парадоксалисты Достоевского. «Пушкинский код» в произведениях Достоевского является основой построения образа героя, приемом текстообразования, сюжетостроения и элементом художественного дискурса, взаимодействия автора и читателя. Эти приемы использует В. В. Набоков в своих произведениях «Отчаяние» и «Посещение музея».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. С. Пушкин, прецедентные тексты, литературный герой, самопрезентация, саморазоблачение.

Для Достоевского личность Пушкина является символическим воплощением русского национального сознания. По мнению И. Л. Альми, поэтический образ Пушкина привлекает Достоевского не как формула мысли, в нем содержится для читателя намек, за которым смутно помнится целое. Пушкинские цитаты и аллюзии, считает исследователь, возвышаются над уровнем сознания отдельных героев, приоткрывают синтез авторской точки зрения (Альми, 1986, с. 50).

Первый роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1845) можно назвать самым «пушкинским» произведением. В нем повесть «Станционный смотритель» становится ключевой для Макара Девушкина: до этого он читал только бульварные романы, а повесть Пушкина потрясает его своей жизненной правдой. Происходит освобождение героя от литературных штампов и его духовное возрастание. Еще один приме-

няемый Достоевским в «Бедных людях» пушкинский прием, который писатель использовал в «Повестях Белкина» и «Евгении Онегине», — это характеристика героев кругом их чтения.

В романе «Бедные люди» Пушкин — любимый автор студента Покровского, учителя Вареньки. Произведения Пушкина становятся любимым чтением и для Настеньки в повести «Белые ночи»: она выделяет их из всех книг, который присылает ей ее возлюбленный. Наконец, в романе «Идиот» собрания сочинений Пушкина приносит в дар Епанчиным Лебедев, значит, его дочь Вера также читает Пушкина (с ней связаны самые светлые страницы романа).

Д. Д. Благой отмечает, что «полная (по возможности) правда» пушкинского реализма утверждается в «Бедных людях» чисто художественными средствами и приемами. Макар Девушкин в письме к Вареньке подчеркивает, что драматическая судьба Самсона Вырина может постигнуть каждого, в том числе и их самих: «Дело-то оно общее, маточка, и надо всеми и надо мной может случиться. И граф, что на Невском или на набережной живет, и он будет другим, потому что у них все по-своему, по высшему тону, но и он будет то же самое... и со мною то же самое может случиться...» (Благой, 1972, с. 86). И в «Станционном смотрителе», и в «Бедных людях» можно обнаружить обращение к евангельской притче о блудном сыне. Самсон Вырин говорит о своем намерении: «Приведу я домой заблудшую овечку мою» (Пушкин, 1984, с. 64). Макар Девушкин вторит ему: «вспоминает о заблудшей овечке своей» (Достоевский, 1972—1990, т. 1, с. 54).

В повести «Белые ночи» (1848) Мечтатель, по мнению В. Н. Захарова, испытывает те же чувства, что и лирический герой стихотворения Пушкина «Я вас любил»: это проявление христианской любви: «Да будет ясно твое небо, да будет светла и безмятежна милая улыбка твоя, да будешь благословенна за минуту блаженства и счастья, которое дала другому, одинокому, благодарному сердцу» (Достоевский, 1972—1990, т. 2, с. 141).

Можно добавить, что противоположным чувством является страсть, которая раскрывается в пушкинских произведениях «Египетские ночи» и «Домик в Коломне»: их вспоминает Мечтатель в разговоре с Настенькой (Достоевский, 1972—1990, т. 2, с. 116). В повести «Белые ночи» сталкиваются разные системы ценностей, соотносимые с Древним Римом и современностью. Н. Н. Петрунина заметила, что «душевная холодность, неверие в любовь» сближают Клеопатру с Онегиным и раскрывают внутренний мир сложного и противоречивого современного человека (Петрунина, 1978, с. 23). Этому миру противостоит Мечтатель Достоевского.

В романах «Преступление и наказание» (1865), «Идиот» (1868), «Братья Карамазовы» (1881) звучит поэтический пушкинский текст, который создает дополнительную смысловую и эстетическую перспективу для героя. Цитата из стихотворения Пушкина «Подражание Корану» «...и мой Коран дрожащей твари проповедуй» создает контекст, из которого следует, что Раскольников пытается встать на место Бога, ко-

гда делит всех людей на необыкновенных и материал, «дрожащих тварей». Кроме того, перед преступлением, когда он почти освободился от «безобразной» мечты своей, он представляет, что пьет воду из источника, словно с ним происходит чудо, как в стихотворении Пушкина:

И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы —
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.

«Жил на свете рыцарь бедный...» А.С. Пушкина — один из ведущих мотивов романа «Идиот» (1868), в котором разворачивается тема «рыцарства». Пушкинское стихотворение о «рыцаре бедном» читает вслух в романе «Идиот» Аглая Епанчина. И.Л. Альми отмечает, что в этом романе обнаруживается явное несовпадение объективного смысла пушкинской баллады и некоторых моментов той «лекции», которой предваряет чтение этой баллады Аглая. Понимая высокую духовную красоту образа «рыцаря бедного», героиня все-таки не может устоять перед соблазном бытовых применений и снижает высокое чувство героя, понимая при этом, что идеал князя Мышкина — особого рода (Альми, 1986, с. 24). Кроме того, героиня искажает текст Пушкина, заменяя сакральные слова инициалами Настасьи Филипповны. Достоевский использует прием перекодировки систем: религиозный код Пушкина переходит в эстетический код в дискурсе Аглаи.

Впервые художественный прием введения в роман большого фрагмента «другого» текста был применен Достоевским, как известно, в «Преступлении и наказании»: это был текст Евангелия от Иоанна, глава 11 (Ин. 11: 1, 19–27, 32–45), который Соня читает вслух Раскольникову. В «Идиоте» на смену каноническому христианскому тексту приходит стихотворение Пушкина, на смену проповеднической позиции Сони — театрализованное поведение Аглаи. Действительно, Аглая организует именно «сцену» чтения пушкинского стихотворения; это такой своеобразный театральный экфрасис, который, подобно изображению казни в романе, обладает характеристикой публичности: «Она тотчас же встала, всё по-прежнему серьезно и важно, с таким видом, как будто заранее к тому готовилась и только ждала приглашения, вышла на средину террасы и стала напротив князя, продолжавшего сидеть в своих креслах» (Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 207).

Знаменитый образ «гения чистой красоты» трижды входит в лекцию Аглаи, дважды — специально оформленный кавычками как цитата (видно, что это был какой-то светлый образ, «образ чистой красоты») («Я помню чудное мгновенье...», 1825). А.Е. Кунильский предположил в интерпретации Аглаей стихотворения Пушкина скрытую полемику Достоевского с В.Г. Белинским, который, анализируя перевод Жуковского баллады Шиллера «Рыцарь Тогенбург», отметил двойственный характер рыцарской любви: «...в духе Белинского Аглая хотела похвалить князя за прогрессивность — что не постеснялся полюбить падшую

женщину, не подорожил утраченной ею невинностью, но и заклеить за слишком преданную, аскетическую любовь, как у рыцаря Тогенбурга и Дон-Кихота» (Кунильский, 2006, с. 270–271).

П. Н. Берков обнаружил в «Записках из подполья» Достоевского отраженную сцену Лауры и Дон-Карлоса из «Каменного гостя» Пушкина, когда герой заставляет девушку содрогнуться перед мыслью о смерти (Берков, 1958, с. 394–396). Но и в романе «Братья Карамазовы» (1881) в поэме «Великий Инквизитор» звучит та же цитата из «Каменного гостя» Пушкина: «Проходит день, настает темная, горячая и “бездыханная” сеvilьская ночь. Воздух “лавром и лимоном пахнет”. Среди глубокого мрака вдруг отворяется железная дверь тюрьмы, и сам старик великий инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму» (Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 227–228). Во время призыва («*carre diem*») Лауры к Дон Карлосу (после его «помни о старости», то есть «не принимай текущего мгновения за вечность, тщеты за нетленное») и прозвучит строка, процитированная в «Братьях Карамазовых»:

Тогда? Зачем
Об этом думать? что за разговор?
Иль у тебя всегда такие мысли?
Приди – открой балкон.
Как небо тихо;
Недвижим теплый воздух,
ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной,
И сторожа кричат протяжно: «Ясно!»

Этот спор Лауры и Карлоса у Пушкина о сущности жизни (для Лауры жизнь – это настоящее, для Карлоса – будущее) продолжается в поэме Ивана Карамазова. Кроме того, Лаура поет песню, которую сочинил Дон Гуан: пространственно-временной код переключается на эстетический уровень, система двойного кодирования включает читателя в размышления автора о соотношении поэзии и действительности.

Р. Н. Поддубная, не соглашаясь с утверждением А. Л. Бема, что Достоевский пародийно «преодолевал» героев Пушкина, рассматривает героя повести Пушкина «Выстрел» Сильвио как предшественника Парадоксалиста Достоевского («Записки из подполья») и Закладчика («Кроткая»). По мнению исследователя, «потребность подпольного человека в самоэстетизации через литературные отражения исследована Достоевским как один из аспектов «трагической и уродливой» сущности «настоящего человека русского большинства» (Поддубная, 1978, с. 59). В скрытой парафразе содержится этическая проблематика, свидетельствующая о принадлежности Достоевского к «конечным» вопросам человеческого бытия, которые извечно проявляются в историческом развитии личности (Поддубная, 1978, с. 66).

Из всего корпуса произведений Пушкина Достоевский особенно выделял повесть «Пиковая дама». Свое отношение к «Пиковой даме» он открыто проговаривает в нехудожественной ситуации – в письме

Ю. Ф. Абаза (от 15 июня 1880 года): «Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что вы должны почти поверить ему. Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал «Пиковую даму» — верх искусства фантастического. И вы верите, что Германн действительно имел видение, и именно сообразное с его мировоззрением, а между тем в конце повести, то есть прочтя ее, вы не знаете как решить: вышло ли это видение из природы Германна, или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов» (Достоевский, 1972—1990, т. 30 (1), с. 192). Видение графини Германну свидетельствует о тех духовных процессах, которые происходят в душе героя. Это соотносится с видениями Бориса Годунова в одноименной драме («жалок тот, в ком совесть нечиста»). Достоевский использует подобный «фантастический» сюжет в романе «Преступление и наказание»: Свидригайлову снится Марфа Петровна после ее внезапной смерти (окружающие воспринимают ее как его жертву), Раскольникову снится старуха-процентщица, которая из жертвы превращается в его палача. Достоевский использует пушкинский текст как инвариантный сюжет для раскрытия духовного состояния своего героя, прямо не говоря о муках совести героев.

К. Кроо, сопоставляя «Пиковую даму» Пушкина и «Игрока» Достоевского, приходит к выводу, что «игра в произведении Достоевского формулируется в том же семантическом контексте, что и в его претексте»: это игра как творчество и как испытание; «главными элементами воспроизведения контекста являются *воображение, фантазия, сон и сумасшествие* с атрибутами *бесчувственности к эмпирической действительности*» (Кроо, 2005, с. 26). Однако исследователь считает, что Полина Достоевского более активна, чем Лиза Пушкина, и в своей игре она становится «не прозревающей героиней» (Кроо, 2005, с. 29).

Пушкинский петербургский код в произведениях Достоевского был прочитан и продолжен В. В. Набоковым. В лекции о Достоевском Набоков включает читателя в пространственно-временной код, который использует Достоевский в повести «Записки из подполья»: «Почему вторая часть называется “По поводу мокрого снега”, можно понять лишь в свете журнальной полемики 1860 года, которую вели писатели, любившие символы, аллюзии и все в таком роде. Быть может, это — символ чистоты, ставшей сырой и тусклой» (Набоков, 1996, с. 198). Это гипотетическое заявление никак не комментируется, зато перед пересказом сцены повести, когда Парадоксалист был «раздавлен и уничтожен» своими школьными друзьями, Набоков снова отмечает пространственно-временной код Достоевского: «В ту ночь человеку из подполья снились безобразные сны о его школьных годах; впрочем, сегодня такого рода сны — общее место любого психоанализа. На следующее утро он тщательно начистил ботинки, предварительно отмытые слугой Аполлоном. Мокрый снег валил хлопьями. Снова символ. Приехав в ресторан, он узнает, что его приятели перенесли обед с пяти на шесть часов, и никто не позаботился известить его. С этого начинается история его унижений» (Набоков, 1996, с. 202). Дважды отмытые ботинки героя становятся символом в тексте Набокова чистых намерений Пара-

доксалиста перед встречей с друзьями-врагами. Предложение «Приехав в ресторан, он узнает, что его приятели перенесли обед с пяти на шесть часов, и никто не позаботился известить его» — призвано показать, какую очередную травму получил герой, и таким образом оправдать его в какой-то степени в истории с Лизой.

Набоков не пишет, что в повести Пушкина «Пиковая дама» главный герой делает свой выбор в такую же погоду, как петербургские герои Достоевского и его самого: «Германн трепетал, как тигр, ожидая назначенного времени. В десять часов вечера он уж стоял перед домом графини. Погода была ужасная: ветер выл, мокрый снег падал хлопьями; фонари светились тускло; улицы были пусты» (Пушкин, 1984, с. 167–168). Но мокрый снег как знак петербургского текста и прецедентное имя «Германн» Набоков использует в своем романе «Отчаяние».

Роман «Отчаяние» (1834) стал, по мнению ряда исследователей, началом в определении писателем своего места в мировой литературе. А. Долинин, изучая английский текст романа, обратил внимание на то, что в переводе Набоков еще более усилил полемику в этом романе с Достоевским (Долинин, 2004, с. 99), то есть самоопределение Набокова как писателя началось со слова, обращенного к Достоевскому. Пространственно-временной и предметный коды обращают читателя романа к повести Достоевского «Двойник», которую так высоко ценил Набоков. Этот код включает в себя систему символов: снег («Ерунда, — откуда в июне снег? Его бы следовало вычеркнуть. Нет, — грешно. Не я пишу, — пишет моя нетерпеливая память» (Набоков, 2019а, с. 41)), зеркала («Когда я наконец вернулся к себе в номер, то там, в ртутных тенях, обрамленный курчавой бронзой, ждал меня Феликс» (Набоков, 2019а, с. 19); «Читатель, ты уже видишь нас. Одно лицо. Посмотрись, читатель, в зеркало, благо зеркала так любишь» (Набоков, 2019а, с. 29)), отражение в воде под мостом. Эти узнаваемые символы Набоков дополняет своими. Герман все время видит «двойников» того, что было в Петербурге: например, бронзового коня, который опирается на свой хвост, как петербургский всадник. «Мы снова прошли мимо двойника Медного всадника», — замечает рассказчик (Набоков, 2019, с. 96). Подобно Свидригайлову, ему снится кошмар, но не с мышью, а с «лжесобачкой», похожей на настоящую, «с мясом белого червя», «с волной и резьбой, как бывает на пасхальном баране из масла» (Набоков, 2019, с. 101). «Петербургский код» включает в себя пространственно-временной, предметный, антропологический, зооморфный, эстетический коды.

Набоков обращает читателя к прецедентному имени: Герман ассоциируется с Германном из «Пиковой дамы». Кроме того, Набоков вспоминает другие произведения Пушкина, когда его герой рассуждает, как лучше назвать свое произведение («Поэт и чернь») или вспоминает, как в школе пересказывал повесть Пушкина: «в моей передаче в “Выстреле” Сильвио наповал без лишних слов убивал любителя черешен и с ним — фавулу» (Набоков, 2019а, с. 50). Все пушкинские аллюзии связаны с «петербургским типом» героя, противоречивой личностью, которая стремится к самоутверждению.

Набоков не скрывает, что ориентируется на Достоевского: «Что-то уж слишком литературен этот наш разговор, смахивает на застеночные беседы в бутафорских кабаках имени Достоевского»; «Несмотря на карикатурное сходство с Раскольниковым...» (Набоков, 2019а, с. 92, 193). Набоков стремится показать тип, близкий парадоксалистам Достоевского, показать, что безверие является причиной преступления: «Бога нет, как нет и бессмертия» (Набоков, 2019а, с. 105). Кроме того, писатель продолжает намеченные Пушкиным и разработанные Достоевским художественные приемы. Повествование от первого лица напоминает исповедь героев Достоевского: «Но честное слово, господа, — не корысть, не только корысть, не только желание дела свои поправить...» (Набоков, 2019а, с. 46); «Маленькое отступление: насчет матери я соврал. По-настоящему она была дочь мелкого мещанина — простая, грубая женщина в грязной кацавейке. Я мог бы, конечно, похерить выдуманную историю с веером, но я нарочно оставляю ее как образец одной из главных моих черт: легкой, вдохновенной лживости» (Набоков, 2019а, с. 8). Кроме того, на лексическом уровне наблюдаются повторения слов, характерных для стиля Достоевского: «похерить», «евоиных» и т. п. Отличие от Достоевского состоит в том, что Набокову его герой не близок, а Достоевский вводит читателя не только в сознание героя, он заставляет сопереживать ему. Кроме кодирования текста, можно еще отметить условность литературности формы как продолжение традиций Пушкина и Достоевского: Герман Набокова пытается писать от лица Феликса, но остается неудовлетворенным получившимся повествованием и возвращается к рассказу от первого лица.

Рассказ Набокова «Посещение музея» (1938) — один из немногих, который принято относить к «петербургскому тексту» наследия русской литературы. По мнению А. А. Долинина, «почти все подтексты и претексты... это составные части пушкинского текста, образующие его основное ядро» (Долинин, 2004, с. 64). Нужно заметить, что в рассказе «Посещение музея» появляются уже знакомые нам пространственно-временной и предметный коды, связанные с Петербургом: «Полупризрак в легком заграничном костюме стоял на равнодушном снегу, октябрьской ночью, где-то на Мойке или на Фонтанке, а может быть и на Обводном канале»; «...Взглянул на свою ладонь, полную мокрого, зернистого холодка...» (Набоков, 2019б, с. 475). Это петербургский код соотносится с «Двойником» Достоевского.

Набоков во многом следует традиции Достоевского в создании образа героя через обращение к прецедентному тексту, каким для обоих авторов становится пушкинское слово, кроме того, использует те же приемы организации текста. Оба автора включают читателя в художественный дискурс, предлагая поразмышлять.

Так, Достоевский с помощью приема текстообразования (использования прецедентных текстов) и их перекодировки дает самопрезентацию героев. У Пушкина в повести «Каменный гость» подобное осуществляет Лаура: философский посыл Дон-Карлоса о смысле жизни она переводит в эстетический, исполняя песню Дон Гуана. Макар Девушкин в романе «Бедные люди» «считывает» религиозный код (прит-

чу о блудном сыне) в повести Пушкина, где евангельский сюжет представлен как эстетический код (история блудного сына в лубочных картинках). Аглая и Аделаида в романе «Идиот» религиозный код (рыцарская духовная лирика) воспринимают как эстетический («Дон Кихот» Сервантеса, стихотворение Пушкина, сюжет для картины).

Мечтатель в повести «Белые ночи», используя прецедентные тексты Пушкина, актуализирует их как нравственный код, подчеркивая свою систему ценностей, его отношение к Настеньке соотносится в сознании читателя с бескорыстным чувством лирического героя Пушкина («Я вас любил...» и др.), поскольку любовь к женщине становится источником духовного восхождения героя (Захаров, 1996, с. 693). Приход жертвы к палачу во сне в повести «Пиковая дама» Пушкина и романе «Преступление и наказание» Достоевского свидетельствует о разрушительных процессах, которые происходят в душе убийцы. Таким образом, «пушкинский код» становится для Достоевского основой построения образа героя, приемом текстообразования, сюжетостроения и элементом художественного дискурса, способом включения читателя в создаваемый писателями метатекст, по которому движутся автор, его герой и читатели в поисках истины.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект №18-012-90036 «Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы».

Список литературы

Альми И.Л. Романы Ф.М. Достоевского и поэзия : учеб. пособие к спецкурсу. Л., 1986.

Баршт К.А. «Бедные люди» Ф.М. Достоевского в литературном и историко-культурном контексте // Достоевский. Материалы и исследования. №19. СПб., 2010. С. 259 – 281.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

Берков П.Н. Об одном отражении «Каменного гостя» Пушкина у Достоевского // Пушкин. Исследования и материалы. М. ; Л., 1958. С. 394 – 398.

Благой Д.Д. Достоевский и Пушкин // Достоевский – художник и мыслитель : сб. эссе и статей. М., 1972. С. 344 – 350.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972 – 1990.

Долинин А.А. Проза Набокова и «Петербургский текст» русской литературы // Истинная жизнь писателя Сирина. СПб., 2004.

Захаров В.Н. Петербургский летописец // Достоевский Ф.М. Полное собр. соч.: Канонические тексты. Петрозаводск, 1996. С. 683 – 698.

Кондратьев Б.С. Пушкинские цитаты в художественном дискурсе произведений Ф.М. Достоевского // Пушкин на пороге XXI века: провинциальный контекст : сб. ст. Вып. 7: Пушкин на пороге XXI века: провинциальный контекст / общ. ред. Е.П. Титков ; науч. ред. С.Н. Пяткин. Арзамас, 2005. С. 133 – 142.

Кроо К. «Пиковая дама» А.С. Пушкина в романе Ф.М. Достоевского «Игрок» // Кроо К. Творческое слово Достоевского – герой, текст, интертекст. СПб., 2005. С. 9 – 29.

Кунильский А.Е. «Лик земной и вечная истина». О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф.М. Достоевского. Петрозаводск, 2006.

Набоков В.В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой / предисл. И. Толстого. М., 1996.

Набоков В. В. Полное собрание рассказов / сост. А. Бабинов. СПб., 2019.

Набоков В. В. Отчаяние / пер. предисл. Г. А. Барабтарло. СПб., 2019.

Петрунина Н. Н. «Египетские ночи» и русская повесть 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. С. 22–50.

Поддубная Р. Н. Герой и его литературное развитие (Отражение «Выстрела» Пушкина в творчестве Достоевского) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1978. Вып. 3. С. 54–66.

Об авторе

Елена Алексеевна Федорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики коммуникации Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Россия.

E-mail: sole11@yandex.ru

Для цитирования:

Федорова Е. А. Пушкинское слово в произведениях Ф. М. Достоевского и В. В. Набокова как способ характеристики героя // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 47–57. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-4.

THE PUSHKIN TEXT IN THE DESCRIPTIONS OF CHARACTERS BY DOSTOEVSKY AND NABOKOV

E. A. Fedorova¹

¹ P. G. Demidov Yaroslavl State University
Yaroslavl, Sovetskaya St., 14/2
Submitted on June 29, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-4

*In his novels, Dostoevsky refers to the Pushkin text to describe characters. For Dostoevsky, Pushkin is an ethical and aesthetic touchstone; the writer's voice is consonant with that of the poet's persona. In some cases, the Pushkin text is embedded in religious discourse (the parable of the prodigal son). In interpreting the Pushkin text, Dostoevsky's characters present and disclose themselves. The 'dreamer' from 'White Nights' invokes the Pushkin text to convey the values of his own. In her peculiar account of the 'poor knight' ballad, Aglaya is transforming religious discourse into aesthetic and mundane. Pushkin's St Petersburg text, whose sign is wet snow, creates the space in which contradiction-ridden Hermann (The Queen of Spades) and Dostoevsky's paradoxalists develop. The Pushkin code in Dostoevsky's texts is what the images of characters are built on. It is a text-producing and plot-building technique and an element of literary discourse, of author-reader interactions. These techniques are used by Vladimir Nabokov in *Despair* and "The Visit to the Museum".*

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Alexander Pushkin, precedent texts, literary hero, self-presentation, self-disclosure.

References

Almi, I. L., 1986. Novels F. M. Dostoevsky and poetry. In: I. L. Almi, ed. *Uchebnoe posobie k spetskursu* [Textbook for the special course]. Leningrad (in Russ.).

Barsht, K. A., 2010. «Poor people» by F. M. Dostoevsky in the literary and historical-cultural context. In: K. A. Barsht, ed. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and research]. Vol. 19. St. Petersburg. pp. 259–281 (in Russ.).

Bakhtin, M. M., 1979. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow (in Russ.).

Berkov, P. N., 1958. About one reflection of the «Stone guest» of Pushkin by Dostoevsky. In: P. N. Berkov, ed. *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Research and materials]. Moscow, Leningrad. pp. 394–398 (in Russ.).

Blagoi, D. D., 1972. Dostoevsky and Pushkin. In: K. N. Lomunov, ed. *Dostoevskii – Khudozhnik i myslitel': sbornik esse i statei* [Dostoevsky – Artist and Thinker: a collection of essays and articles]. Moscow. pp. 344–350 (in Russ.).

Dostoevsky, F. M., 1972. Poor people; Tales and stories. 1846–1847. In: V. G. Bazanov, ed. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vol.]. Vol. 1. Leningrad (in Russ.).

Dostoevsky, F. M., 1972. Tales and Stories, 1848–1859. In: V. G. Bazanov, ed. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vol.]. Vol. 2. Leningrad (in Russ.).

Dostoevsky, F. M., 1973. Crime and Punishment: A Novel. In: V. G. Bazanov, ed. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vol.]. Vol. 6. Leningrad (in Russ.).

Dostoevsky, F. M., 1973. Idiot: A Novel. In: V. G. Bazanov, ed. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vol.]. Vol. 8. Leningrad (in Russ.).

Dostoevsky, F. M., 1976. Brothers Karamazov: Roman in 4 parts with an epilogue. In: V. G. Bazanov, ed. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vol.]. Vol. 14. Leningrad (in Russ.).

Dolinin, A. A., 2004. Prose Nabokov and the Petersburg Text of Russian Literature. In: A. A. Dolinin, ed. *Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina* [The True Life of the Writer Sirin]. St. Petersburg (in Russ.).

Dostoevsky, F. M., 1984. Letters, 1878–1881. In: V. G. Bazanov, ed. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vol.]. Vol. 30 (1). Leningrad (in Russ.).

Zakharov, V. N., 1996. Petersburg chronicler. In: V. N. Zakharov, ed. *Polnoe sobr. soch.: Kanonicheskie teksty* [Complete Works: Canonical Texts]. Petrozavodsk. pp. 683–698 (in Russ.).

Kondratiev, B. S., 2005. Pushkin quotes in the artistic discourse of the works of F. M. Dostoevsky. In: B. S. Kondratyev, ed. *Pushkin na poroge XXI veka: provintsial'nyi kontekst* [Pushkin on the threshold of the 21st century: a provincial context]. Vol. 7. Arzamas. pp. 133–142 (in Russ.).

Kroo, K., 2005. The Queen of Spades A.S. Pushkin in the novel F. M. Dostoevsky «Player». In: K. Kroo, ed. *Tvorcheskoe slovo Dostoevskogo – geroi, tekst, intertekst* [Dostoevsky's creative word – hero, text, intertext]. St. Petersburg. pp. 9–29 (in Russ.).

Kunilsky, A. E., 2006. «Lik zemnoi i vechnaya istina». *O vospriyatii mira i izobrazhenii geroya v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo* [«The face of the earth and the eternal truth». On the perception of the world and the image of the hero in the works of F. M. Dostoevsky]. Petrozavodsk (in Russ.).

Nabokov, V. V., 1996. *Lektsii po russkoi literature: Chekhov, Dostoevskii, Gogol', Gor'kii, Tolstoi* [Lectures on Russian literature: Chekhov, Dostoevsky, Gogol, Gorky, Tolstoy]. Moscow (in Russ.).

Nabokov, V. V., n. d. *Poseshchenie muzeya* [The Visit to the Museum]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=64516&p=3> [Accessed 7 May 2019] (in Russ.).

Nabokov, V. V., n. d. *Otchayanie* [Despair]. Available at: <https://e-libra.ru/read/318149-otchayanie.html> [Accessed 7 May 2019] (in Russ.).

Petrunina, N.N., 1978. «Egyptian Nights and the Russian story of the 1830s». In: N.N. Petrunina, ed. *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Research and materials]. Leningrad. pp. 22–50 (in Russ.).

Poddubnaya, R.N., 1978. The hero and his literary development (Reflection of «Shot» by Pushkin in the works of Dostoevsky). In: R.N. Poddubnaya, ed. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and research]. Vol. 3. Leningrad. pp. 54–66 (in Russ.).

The author

Prof. Elena A. Fedorova, Associate Professor; Professor, Department of Communication Theory and Practice, Pavel Demidov State University of Yaroslavl, Russia.

E-mail: sole11@yandex.ru

To cite this article:

Fedorova, E.A. 2020, Pushkin texts in the description of characters by Dostoevsky and Nabokov, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 47–57. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-4.